

Симферополь — Братислава. Билет в один конец?

Мы давно привыкли к тому, что большинство (причем подавляющее) украинских раввинов — иностранцы, приехавшие в 1990-е возродить еврейскую общинную жизнь на одной шестой. Обратного процесса не наблюдалось, но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло...

Многим памятна история *раввина* Общин прогрессивного иудаизма Симферополя и Украины Михаила Капустина, который в марте этого года был вынужден бежать из Крыма после его аннексии Россией. Недавно Михаил — по приглашению еврейской общины Словакии — стал раввином этой страны и ее столицы — Братиславы. Впрочем, разговор (состоявшийся на конференции «Лимуд» во Львове) мы начали с того, что заставило рава Капустина покинуть Симферополь, где он проработал — и весьма успешно — почти 7 лет.

— ***Давайте вернемся на год назад — как события на Майдане восприняли в Крыму в целом и в еврейской общине в частности?***

— Неоднозначно, но община была вне политики и я, как раввин, не делал никаких заявлений по поводу ситуации в стране. Хотя своя точка зрения у меня была — после избиения студентов на Майдане, после чего, собственно, и началась Революция достоинства, — я сказал прихожанам, что произойди подобное в Симферополе, то постучись эти ребята в ворота синагоги (как стучались они в ворота Михайловского монастыря в Киеве), я, безусловно, их впустил бы. Это, на мой взгляд, уже не политика, а *пикуах нефеш* — спасение жизни — и как евреи мы должны это понимать.

— И как это воспринимали прихожане? Не секрет ведь, что Крым всегда был пророссийским регионом, и евреи, будучи органичной частью общества, разделяли те же мировоззренческие установки, что и окружающее население.

— Это правда — но далеко не все думали в унисон, особенно после Майдана — в период подготовки к российской аннексии полуострова — многие были этому не рады. Еще больше было тех, кто просто ждал, чем все закончится.

Что касается меня, то я не скрывал, что очень обнадежен движением Украины в Европу, но никогда — до российского вторжения — не заявлял об этом публично. В ночь на 27 февраля, после захвата парламента Крыма и появления «зеленых человечков», в Симферополе на стенах синагоги «Нер тамид» впервые за 23 года независимости Украины появилось антисемитское граффити — «Смерть жидам!».

— А уже на *Russia Today* вышел [сюжет](#), где на фоне кадров с граффити на «Нер тамид» вы собираете вещи, якобы готовясь бежать от антисемитских угроз, исходящих от нового правительства Украины. Это выглядело очень странно...

— Да, это была классическая и очень грамотная провокация. Журналисты *Russia Today* процитировали мою фразу: «Я не хочу уходить. Но я хочу, чтобы мои дети чувствовали себя в безопасности, чтобы они были свободными и открыто выражали свои мысли. Именно поэтому я и ухожу», — якобы подразумевая мое нежелание жить при «новом фашистском правительстве в Украине». Я действительно это говорил, но в прямо противоположном контексте — имея в виду аннексию Крыма Россией и нежелание жить в таком Крыму. Это интервью я увидел, уже покинув полуостров, и вынужден был отвечать на недоуменные вопросы друзей и знакомых.

В первой половине марта я дал десятки интервью различным масс-медиа и, несмотря на неточности в интерпретациях, не настаивал на опровержении. Например, в интервью одному из израильских изданий на вопрос: «Вы писали петицию?», я ответил «Да», подразумевая свое открытое письмо, содержащее призыв спасти Украину и поддержать одну из петиций на сайте Белого дома, ведь мое письмо, по сути, и было петицией. Однако это издание сделало меня автором петиций на сайте Белого дома, что быстро подхватили

другие СМИ.

Но Russia Today допустил не небрежность, а сделал полуфейковый красивый сюжет, в котором я сыграл одну из главных ролей. Они просто использовали меня в своих целях. Сначала я порывался написать опровержение, но затем, заставив себя отключить эмоции, принял решение ничего не писать и никому не давать интервью. Было очевидно, что любое интервью будет использовано противоположной стороной для разжигания информационной войны, а в момент, когда я уже покинул свой дом, но еще не обрел нового, мне это было нужно меньше всего. А вскоре ресурс Stop Fake представил этот сюжет как образцово-показательный пример лжи Russia Today, и необходимость в дополнительном опровержении отпала.

— Через несколько дней после этого памятного интервью в Крыму триумфально прошел референдум, участие в котором наверняка приняли и ваши прихожане.

— Мы с семьей уехали как раз в день референдума, но люди действительно массово голосовали — один мой знакомый проголосовал аж трижды, столь важно для него это было. Люди искренне верили, что перемены приведут к улучшению жизни, и были настроены очень пророссийски.

— Эйфория прошла?

— Не у всех, и основной аргумент тех, кто ни о чем не жалеет, — мол, если бы не аннексия, то в Крыму было бы сейчас то же, что в Донецке и Луганске. Поэтому люди рады, что у них хотя бы нет войны — на фоне Донбасса это благополучный регион.

— На общинной деятельности российская аннексия как-то отразилась? Даже председатель Ассоциации еврейских организаций и общин Крыма Анатолий Гендин, будучи абсолютно лоялен новой власти, был, мягко говоря, обеспокоен тем, что еврейскую религиозную жизнь на полуострове пытаются встроить в российскую вертикаль.

— Анатолия Исааковича я знаю достаточно хорошо — не могу ничего дурного сказать о нем, как о человеке. Хотя у нас диаметрально противоположные политические взгляды, мы продолжаем поддерживать отношения. Да, наша община теперь является членом Объединения организаций современного

иудаизма России, и ее устав был изменен в соответствии с законодательством РФ. Но не думаю, что переkreить в целом еврейскую жизнь полуострова под российскую модель, где главным течением является Хабад, будет очень просто.

Так сложилось, что именно в Крыму весьма сильно реформистское течение — у нас три синагоги, несколько общин, и во многом это заслуга Анатолия Гендина. Не так легко сменить вывеску, если люди привыкли к чему-то...

Что касается синагоги в Симферополе, раввином которой я имел честь быть, то она продолжает функционировать — общинный работник регулярно проводит молитвы, а на праздники приезжает раввин из Москвы — он бывает не только в Симферополе, но и в других наших общинах.

— ***Как сложилась ваша личная судьба после бегства из Крыма?***

— Неделю мы жили в Киеве — вчетвером (я с женой и двое детей) в одной комнате — и за это спасибо, слава Б-гу, нас приютили. А потом со мной связались из еврейской общины Словакии, пригласили на какое-то время к себе, а познакомившись поближе, предложили остаться в качестве раввина Братиславы и Словакии. На тот момент это было единственное предложение работы, поэтому я его принял, о чем нисколько не жалею.

— ***Община, разумеется, не русскоязычная. Быстро удалось найти взаимопонимание с новыми людьми в новой стране?***

— Службы я веду пока на английском (в свое время окончил *Leo Baeck College* в Лондоне), но постепенно улучшаю свой словацкий, чтобы общаться с прихожанами на их родном языке.

— ***Еврейская община Словакии для нас terra incognita, можно о ней несколько слов?***

— Община небольшая, но она есть — сегодня в Братиславе живет несколько сот евреев, а в стране — около двух тысяч, при крайне незначительной эмиграции. Интересно, что в Словакии, по сути, нет ни реформистской, ни ортодоксальной общины в нашем понимании — есть просто community, часть членов которой предпочитает молиться в хабадской синагоге, а часть — у реформистов, многие ходят в обе синагоги, потому что это возможность

побывать не на одном еврейском мероприятии, а сразу на двух. Я пришелся там ко двору, хотя в общине уже больше 20 лет работает хабадский раввин, с которым у меня сложились хорошие отношения.

Если говорить об общинной жизни, то упор делается на еврейское образование, поскольку ассимиляционные тенденции очень сильны. В Братиславе и в Кошице есть воскресные школы, в столице работает также еврейский детский сад и еврейская группа в обычном садике. Очень серьезно в Словакии относятся к бар-мицве, готовиться к ней начинают за несколько лет до 13-летия, в том числе и в малых общинах, которые я периодически посещаю. Как бы то ни было, основная моя работа — это образовательные проекты, люди заинтересованы в них больше, чем в Украине, — с готовностью приходят, оставляют цдаку.

— Вот с этого места поподробнее — насколько община самодостаточна?

— Вполне самодостаточна, в первую очередь, благодаря успешному процессу реституции, в рамках которого ей вернули общинную собственность.

Безусловно, она более благополучна, чем в Украине, хотя я не знаю ни одной еврейской структуры, у которой было бы достаточно средств для реализации всех своих планов, и община Словакии в этом смысле не исключение.

— Михаил, Словакия — развитая страна Восточной Европы (с ВВП более \$23 тыс. на человека), член ЕС, и прочая, и прочая... И все-таки нет ностальгии по Крыму? Не хотели бы вернуться в город, где вас помнят и уважают?

— Конечно, есть. Но ностальгия не по тому Крыму, о котором рассказывают оставшиеся там родственники и друзья, а тому, в котором мы строили планы на будущее до марта 2014 года. В середине мая я побывал на полуострове, чтобы решить ряд вопросов с документами для получения вида на жительство в Словакии, но это был уже не тот Крым, и я окончательно убедился в правильности решения уехать...

Беседовал Михаил Дор, jewishnews.com.ua